

Амзин Александр

Первое

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А61

А61 **Амзин Александр**
Первое / Амзин Александр – М.: Книга по Требованию, 2012. – 43 с.

ISBN 978-5-4241-2731-1

ISBN 978-5-4241-2731-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Амзин Александр
Первое

Александр Амзин

Первое

Преампула

Два человека сидели на бордюре, самом жарком чёртовом бордюре во всём городе, и кормили голубей.

- Я никогда не думал, что голубей так много.

- Да, - ответила она. - Ужасно много.

- Знаешь, когда мы были маленькими, мы ходили на ближайшую помойку.

- Ну да? - говорит она.

- Серьёзно. Там стояли контейнеры со всяким мусором, так мы это называли помойкой. И однажды ребята решили подбить голубя.

- Да ты что?

- Правда-правда. Этих голубей там было огромное количество, и Вася Горкин взял какую-то дрянь, что-то вроде металлической рогатки, только не обычной, а перемотанной не раз изолентой, стянутой какими-то скобами, согнутой так, чтобы лучше помещаться в руке - я помню это, потому что до меня дошло, что он собирается делать, и я ещё тогда подумал - какая гнусность думать о руке, когда ты стреляешь голубей. Заряжал он её особыми детальками. Отец с завода приносил. Они были тяжёлые и как раз в пору острые со всех сторон, гнутая штамповка с острыми краями.

- Давай не будем о голубях.

- Я бы рад. Но я держу этот гамбургер в руках, и вспоминаю костёр, и как Васька протянул руку, проткнул этого голубя насквозь и опаливал:

- Хватит. Нам ведь хорошо здесь, на бордюре.

- Да. Нам хорошо здесь, на бордюре.

Мы помолчали. Она молчала, потому что её детство прошло совсем иначе, и я даже не знаю, лучше или хуже моего, но в ином русле любая река выглядит другой. Она не понимала мальчишек - как и раньше. Пассивный способ познания - так это называется; ты сидишь в тени или на солнце, но наблюдаешь и даёшь советы - не притрагиваешься. Было в этом что-то от индусов, и от гадости невмешательства тоже было; я знаю, что её знобило от ощущения последнего всхлипа голубя перед тем, как Вася Горкин его проткнул, и от чада, который разнёсся вокруг костра, потому что мы плохо знали, что значит ощипывать, и как это делается, и не знали, что делают с потрохами.

Я молчал, потому что чувствовал себя лжецом. Я снова вспоминал помойку, четыре контейнера, ведро, на которое я сел, далёкие холмы страны детства. Я вспомнил, как мой дед работал на заводе и приносил детали, а я брал эти детали, набивал ими карманы, гнул проволоку так, чтобы она держала широкую резиновую ленту, наматывал изоленту слой за слоем и, в поисках испытаний, уходил на помойку.

Правда, в одиночку.

Несколько дней там было ничего не видно, кроме белоснежного пуха - я же не знал, что под таким мерзким серым оперением скрывается настоящая тога кандидата:

- Гуль-гуль, - сказал я.

- Гуль-гуль.

1. Рождение

Первое, что сделал Егор в этой жизни, - родился. Он родился слюнявым и горластым, пришёл в этот мир, где его никто не ждал и не собирался на самом деле воспитывать: мать умерла при родах, а отец его был неизвестен, потому что мать была прогрессивной женщиной и воспользовалась услугами Анонимного банка спермы. Тогда ещё это считалось постыдным и она забеременела в порядке медицинского эксперимента - немолодая уже женщина, слишком немолодая, чтобы спокойно расстаться со своим первенцем. Всё провёл её приятель из меда.

Если говорить начистоту, то Егор даже не обеспечил рабочими местами нянечек - всё время лежал тихо, и только ближе к ночи заливался горькими слезами - тогда, наверное, ещё слёзами. Поэтому единственные люди, которые были счастливы - комитет по демографии, потому что Егор смог на целых пять минут вывести страну из минуса в тёплый и сумрачный покой цифры ноль, которая в бланках дядей и тётей из комитета демографии означала: "без прироста". Так оно и было. Эта страна не росла.

Даже эта планета не росла. На ней жили ужасно смешные существа, которые вечно спорили меж собой, - произошли ль они от приматов, или же не совсем.

Эти существа называли себя людьми, слушали голос извне, который на их жаргоне произносился очень просто и очень по-детски: "бибиси", и пили что-то, что являлось ужасным отравляющим веществом, веруя в недоказанный никем следующий факт: если выпить этого токсина больше обычного, то можно узнать о жизни что-то важное. Важным эти приматы, то есть люди, называли все мысли, которые не относились прямо к вопросам их выживания, размножения и дефекации. Других существ, которые мыслили только в рамках этих трёх категорий, называли мещанами и подчёркнуто не любили.

Но всего этого Егор не знал. Он лежал в своей люльке и ловил солнечных зайцев. Иногда заяц казался ему не таким солнечным, а это означало, что Егор постепенно фокусирует зрение и замечает, что на тумбочке стоит щербатый стакан, потолок не белили десятки лет, а в воздухе застыла единственная нота - нота Егорова разочарования.

Он был дитя современных родителей, как я уже сказал. Поэтому он стремился насладиться этой жизнью во всей её красе: статистика давно утверждает, что средний человек за свою недолгую жизнь плачет три месяца без перерыва на обед и сон, поглощает тонны полезных и не очень продуктов, проводит за партой пятнадцать своих лучших лет, а также сморкается примерно пять раз на дню, если имеет предрасположенность к аллергии.

Всё это родовое время, отпущенное ему судьбой, Егор предусмотрительно потратил на плач. Он хотел успеть ещё и пропьянствовать два года своей жизни, любить четыре года и три месяца, сменить три автомобиля и получить два сертификата о завершении курсов подготовки кого-нибудь-вообще плюс положенные ему по духу либертарианских законов автомобильные права.

Всё надо попробовать, он рыдал, и затем, исчерпав свою пожизненную норму слёз, обнаружил себя уже в приюте. Его никто не забрал в роддоме. Никто не пришёл и не оформил на него бумаги. Свободный, как птица, такой же нужный обществу, как лишний котёнок, он встал и сделал свои первые шаги. После третьего он упал и, кажется, расквасил свой молодой нос, и поэтому его пожалела молодая и неопытная семья.

У этой семьи тоже были проблемы. И он был хорош, и она была в самом соку, но хромосомы считали иначе, да и день у них был распланирован так, что в конце концов Алексей сказал своей жене Свете (должны же вы знать, как их зовут, хотя нам это и без разницы):

- А почему бы нам не взять приёмного?

Она, конечно, сопротивлялась, но для проформы, потому что разговор по межгороду дорого обошелся их молодой семье, а устраивать скандалы она не привыкла. Ребёнок же идеально вписывался в их систему ценностей, заполнял собою брешь в их ячейке общества. Любой ребёнок.

Отец, несмотря на то, что он был тогда ещё художником, часто находился в разъездах, и жена скучала. Ребёнок занял бы её.

- Ути-пути, - сказал отец и поднял Егора на руки, крепко прижав к себе. Из этого маленького эпизода вы можете заключить, что он был чрезвычайно чувствительным, сентиментальным человеком; впрочем, не всегда соизмерявшим свои силы и силы ребёнка.

Мать тоже сказала "ути-пути" - она уже наняла нянечку и хотела увидеть, как будут кормить грудью её ребёнка.

- Ути-пути, - сказала мать и пощекотала Егора. Мальчик заревел. Мать нахмурилась. В кармане её модных брючек уже лежали квитанции на колясочку, чек на импортные подгузники, договор о комплексном уходе и даже новенький страховой полис, который влетел молодой семье в копеечку. Она была прогрессивная мать и отчётливо понимала все трудности большой жизни.

Лозунгом всей её жизни, сколько она себя помнила, было: "Не позволяй всучить себе подделку", поэтому она с подозрением оглядела ребёнка.

- Он не болен? - спросила она.

Нянечка заверила её, что ребёнок не болен, потому что ему сделаны все необходимые прививки.

Отец же настояжился, - он был очень чувствительный человек.

- Запах, - сказал он.

- Что? - оторвалась от разговора с нянечкой молодая мать.

- Запах, - повторил он в отчаянии.

Егор, дитя космического века, ничем не отличался от своих предшественников, которые проществовали по яслям, начиная с Гомера и заканчивая тем психопатом, которому молодые родители-наркоманы скормили марку. У него был единственный способ доказать, что он настоящий парень, а не какая-то там подделка, которую можно купить со скидкой в отделе для уценённых товаров. Он с удовольствием использовал этот способ.

- Господи, - сказала нянечка.

- Ничего, - ответила мать. - На то они и дети, правда?

Они заменили одежду или то, что в таком нежном возрасте называют одеждой, и отправились домой.

Егор тоже был счастлив. Впервые в своей жизни он сумел аргументированно отстаять свою точку зрения, ещё не зная, что это так называется.

Интермедия

Завтра в помидорах обнаружат "кецалькоатль", наркотик, дающий потребителю чувство солнечного завтра и ничтожного прошлого; в Лос-Анджелесе дилеры называют его "утопия", в Перми - "стойка", в Питере "кефаль", а в Москве

- "Луначарский", по имени первого наркома просвещения. Его вводят внутривенно, интраназально и перорально.

Рецепт так прост, что даже школьник может высушить на батарее семечки помидоров, размолоть их скалкой и добавить необходимых компонентов, отщепляющая настоящий "кецалькоатль".

Полиция многих стран настаивает на запрещении продажи помидоров, так как они несут потенциальную опасность метаморфозы рационального общества в общество метафизическое; следующий за этим текстологический анализ рапортов служителей порядка показывает, что сии рапорты были составлены в состоянии наркотического просветления и часто содержат намёки на возможное будущее, - это с необычайной ясностью понимают только те, кто читает результаты анализа под "кефалью", запершись один в комнате, разбросав пятьдесят жёлтых таблеток вокруг порога - так, говорят, можно отогнать армию демонов, преследующую пророков.

Плантаторы арпрауд it, и конопля перестаёт быть модной; перекраиваются все связи в этом мире. Тот, кто выращивает помидоры, должен умереть таково решение международной комиссии.

Немедленно создаётся оппозиция; она протестует против вычёркивания всех паслёновых из энциклопедий, учебников ботаники, а также их уничтожения.

"Мир без помидоров - нереальный мир", говорят они.

"Оставьте нам наши помидоры", говорят они.

Мир идёт ко дну.

А Егору на это наплевать.

2. Война

И в листе, и за старой верандой, и где-то недалеко - везде враги. Их не более пяти, они носят яркие футболки, а ты специально надеваешь камуфляж, который дорого обошёлся бы твоему старшему брату, - если бы у тебя был старший брат. Эта одежда - из секунд-хенда.

Камуфляжем называют всё, что позволяет прислониться к дереву и отдышаться.

Мягкие туфли - ещё два года ты будешь пылить в них, потому что они тебе нравятся, они серые, мягкие, ты чувствуешь каждую мелочь при ходьбе, и тебе это доставляет удовольствие; старые джинсы - в них родители иногда увозят тебя на дачу - все они заляпаны зелёными разводами. Майка болотного цвета. А в руках у тебя автомат.

Ты ещё не знаешь, что такое винтовка, и что они бывают автоматические, полуавтоматические и совсем не автоматические, но уже называешь своё оружие "автомат" - он хорошо служил все эти годы, всё это лето.

Это суковатая палка. Ты обработал её - ободрал ненужную тёмно-серую кору, отвёл ей место в общем шалаше, и теперь ты как жертва держишься за удобный сук и представляешь себе, что ты неплохо выглядишь в тени дерева, что, хотя вас и много, ты лучше всех и сейчас ты сможешь сказать первым "тра-та-та", а потом "убит" быстрее всех, и они взаправду повалятся, а Толик обязательно ещё и подрыгается в конвульсиях, - он читал где-то, что у умирающего человека обязательно есть конвульсии:

Чего ты понять не можешь, так это - как ты оказался один против пятерых.

Кажется, что вы спорили, и кто-то смотрел больше фильмов, а кто-то очень

сильно надеялся на свою палку с ободранной серой корой; и роли неожиданно изменились.

Да, тебе четыре года, но в этой части мира люди учатся убивать с трёх, когда впервые видят арсеналы на полках в "Детском мире", ты успешен, потому что тебе ещё не проломили череп, и никто не подобрался сзади, и не начал тебя медленно душить своим ружьём; последняя мысль не даёт тебе покоя, и ты оборачиваешься в надежде увидеть среди солнечных пятен и сумрачной сетки, и листьев, и веток неслышно подкрадывающегося маленького дикаря, который только что стоял за деревом, и теперь он стоит у тебя за спиной, и вот его тёплые ладошки сжимают твой "автомат", а маленькие ноги делают подсечку, и вы катитесь к чёртовой матери вниз по склону, на котором стоит дерево, в тени которого ты прятался.

За несколько десятков шагов никого нет. Ты чувствуешь это, и это не позволяет твоей гордости спокойно сидеть в тебе, и распалает тебя сверх всякой меры.

- Эй, - кричит Егор.

Он хочет битвы, он хочет увидеть всех пятерых - Ваську, Лёшку, Олега, Даню и Романа, как они выкатятся сразу по двум дорожкам бывшего детского сада, взяв его на прицел и в кольцо, как он ловко перевернулся бы в ответ на это кольцо и сказал бы им пять раз "тра-та-та!", "тра-та-та!".

Но стоит тишина. Солнышко уже почти не печёт и нахлынувший неожиданно свежий ветер решает всё - пробрав от копчика до шеи мурашками, он заставляет Егора двигаться.

- Я иду!

В семь вечера голос звучит особенно героически. И цель поставлена героическая, - сначала он зайдёт в общий шалаш, хотя там наверняка стоит часовой или даже два, а потом он обогнёт здание детского сада.

Шалаш пуст.

Похоже, детский сад тоже пуст.

Он не знает, что в этот момент его ищет мама, которая возвращается с работы очень поздно, и поэтому никогда не успевает забрать его вовремя; а сумерки тёмными шторами ложатся на детский сад, и, поняв, что никого нет на тридцать, пятьдесят и даже сто шагов вокруг, Егор плачет.

Он даже раздумал их убивать, потому что их нет.

Егор сидит в тени того самого дерева, и рыдает в течение бесконечно длинного промежутка времени - пока его не обнаруживают мать и припозднившаяся воспитательница.

Уже темно, и на небе незаметно проступают самые яркие звёзды.

Оказывается, их всех забрали родители. Но прежней дружбы так и не вышло.

Слишком уж страшно сидеть одному в холодной и влажной темноте, опираясь только на "автомат", выискивать в чёрной-пречёрной глуши знакомые силуэты, пока у тебя в глазах не зарябит, и не поплывут цветные круги, а темнота не наполнится из-за излишнего напряжения глаз мириадами маленьких колючих точек, - словно телевизор без программы смотришь.

Интермедия

Мы встретились на автобусной остановке, вернее, чуть дальше. В четыре

полосу бордюра - на чёрных выпускных брюках.

- Ты говорила, что видела Джоан.

Этого Егор никогда не скажет. Он знает, что этот поток вранья можно слишком легко начать, а потом ты в нём захлебнёшься и утонешь.

Нет, он не слушал Роллингов.

Нет, он не слушал ничего из старья, кроме папиной The Wall.

Да, конечно. Ромка притащил примочку и они до сих пор лабают квартирники - смешное слово, ей богу:

И тут ей оказалось пора.

Приехал автобус. Узкоглазый, тогда новую линию пустили, и новые "Тойоты"

взирали на мир удивлённо и очень по-японски:

Жила она недалеко, как всё-таки выяснилось.

И телефона она не дала. Она взяла мой. Я ей сам телефон дал.

Смотри, говорит, я позвоню, а ты на бордюре встречай.

Так и не повстречал.

3. Школа

Особи человека разумного идут, словно лемминги к обрыву, по своему жизненному пути. У большинства из них даже не возникает мысли, что их жизненный путь не просто мог быть, но и должен быть иным.

Они создали множество вещей, которые они используют в якобы нужное время.

Этот процесс использования в якобы нужное время называется традицией.

Егор не мог быть сторонним наблюдателем. В приюте ему было нехорошо. Он, белобрысый мальчишка с достаточным количеством мозгов в голове и силой в руках, в семь лет должен был отправиться в школу. Учиться жизни.

Никто и никогда не задумывался - зачем надо учиться этой самой жизни, если уже прожил, выжил семь лет на белом свете - для многих "диких" племён это время инициации и окончательного взросления.

Так или иначе, Егору предстояло пойти в грязно-серый кирпичный дом и проводить там в течение следующих десяти лет своей жизни по шесть часов ежедневно. Шесть часов - это четверть суток или треть времени бодрствования.

Все шесть часов он должен был сидеть за партой смиренно и отвечать на вопросы людей, которые называли себя учителями и прошли полный курс обучения не только в обычной школе, но и в особой, "высшей", как они это называли.

Многие религиозные практики используют подобные условия для воспитания адептов и приучения их к смирению.

Но родители не беспокоились за Егора. Они очень хотели, чтобы он получил образование. Они ведь получили своё.

Надо отметить, что многие родители не спрашивают своих детей, хотят ли те просыпаться на два часа раньше в течение следующих десяти лет и сидеть по шесть часов в день, впадая в транс из-за обилия чуждых их сознанию объектов, о которых рассказывает учитель. Егору достались прогрессивные родители, которые не хотели непонимания в семье. Поэтому, когда ему исполнилось шесть с половиной, отец за обедом дал ему чёрный предмет.

- Что это, папа? - спросил Егор.

Его на самом деле не интересовал предмет. Скорее - мотивация отца. Обычно отец всегда объяснял Егору назначение новых предметов. Он был хорошим, чувствительным человеком и поэтому даже, хоть и запинаясь, рассказал, как летают по небу самолёты. Однако он не знал, почему облачко пара над находящейся невдалеке фабрикой очень похоже на барашка. Похоже, он вообще не видел там барашка.

- Это будильник, - ответил отец.

Позднее Егор узнал, что пропадающие из дому родители с утра до вечера работают. Их работа была очень ответственной - мама принимала звонки и переключала людей, попавших к ней, на нужных, что было странно - неужели эти самые люди так часто ошибались номером, что всё время попадали к маме?.. а папа работал в дизайн-агентстве. Он часто рассказывал о том, какие потрясающие эскизы они сделали для сети магазинов или закусочной на пятнадцатой улице, и как-то раз Егор потянул его за штанину и попросил нарисовать маму.

Егор вообще любил своих приёмных родителей.

Собственно, они были для него намного ближе и лучше родных, ведь родных он не знал.

Но папа смутился, и сказал, что у него нет программы и специального сканера, которые смогли бы сделать мамин портрет.

Это было слишком много слов на первый раз.

Егор промолчал.

На следующий день он вернулся к жизни и, вытащив из принтера лист бумаги, изобразил авторучкой маму так, как это умеют в возрасте шести лет любые дети.

Мама была горда им и даже погладила по голове. Отец нахмурился, но ничего не сказал.

- ...Будильник, - произнёс отец. - Машинка, которая разбудит тебя. Тебе нужно привыкнуть к тому, что ты пойдёшь в школу.

Егор взял машинку в руки. На дисплейчике были словно нарисованы квадратные цифры. Цифры означали время. В чёрном предмете было несколько дырок и щёлочек - чтобы звук мог лучше выйти из его недр. Люди, которые делали предмет, не задумывались, зачем они прячут звук внутрь, если всё равно придётся делать дырочки для выхода его наружу.

Эти люди стояли на Городском Часовом Заводе у конвейера. У них были красные лица и лоток с шурупами. Мимо них текла лента, похожая на чёрную-пречёрную смолу. Однажды лента порвалась, и её заштопали специальным пластырем другого цвета, - рабочие радовались, когда видели, что коричневый пластырь проплывает мимо. Это была единственная вещь, которая связывала их с реальностью. На ленте лежали предметы и части предметов.

Они были необходимы для образования цивилизации. Иначе вся планета была бы выспавшейся и не ходила б на работу, а это экономически невыгодно.

Егор поставил предмет на полку и старался включать его как можно реже.

Так прошло несколько восходов и закатов.

Пришли родители и поставили в будильник батарейки. Старые Егор вытащил.

Родители собирались поехать в круиз, но детский билет брать не полагалось, - официально эта поездка считалась деловой. Они взяли билет за счёт фирмы,